

ЭПОХА ВЕЧНОЙ НОЧИ

или ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО ГРАФА

Васильева Ирина.

18+

Ирина Васильева

Эпоха вечной ночи или Завещание старого графа.

<https://litres.ru/74600708>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где время течет неправильно, а вечность стала товаром, Элеонора Вельская всегда чувствовала себя чужой. Обычная учительница литературы из провинциального городка, она задыхалась в серой рутине, пока загадочный граф Владислав не предложил ей сделку, от которой невозможно отказаться: стать Узлом — сердцем его Замка, хранящим древнее чудовище по имени Пасть.

Чтобы спасти мир и удержать древнее зло, Элеонора совершает невозможное: она добровольно отдает графу свое смертное сердце, становясь его вечным якорем.

Ей предстоит научиться жить в мире, где солнце — это яд, а рассвет никогда не наступит. Она станет Хранительницей вечной ночи, охраняющей сон того, кого любит, в склепе, где нет дверей, а единственным стражем на пороге будет верный пес, готовый разорвать любого, кто потревожит покой его Хозяев.

Это история о любви, которая оказалась сильнее времени, и о цене, которую приходится платить за то, чтобы остановить конец света.

Содержание

Часть I. Зов.	5
Глава 1. Пыль на гербе.	5
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эпоха вечной ночи или Завещание старого графа.

Часть I. Зов.

Глава 1. Пыль на гербе.

Осень 1887 года в городе Н. выдалась на редкость удушливой. Сентябрь, который обычно приносил с собой прозрачную, звенящую свежесть и запах палой листвы, в этот раз лишь сгущал серую вату туманов, цеплявшихся за булыжные мостовые и кресты Петропавловского собора. Ветер, налетавший с торфяных болот, не бодрил, а нес с собой запах тления и сырой земли. В такие дни время в городе Н. казалось густым, как патока. Оно медленно, с неохотой сползало по циферблатам башенных часов, оседая пылью на бархатных портьерах и полированной мебели.

Именно в такой день, двадцать третьего сентября, Элеонора Вельская вошла в классную комнату женской гимназии.

Ей было двадцать два года, и она казалась в этих стенах существом из иного, более тонкого и хрупкого мира. Высокая, болезненно худая, с кожей цвета старого пергамента, она двигалась с той врожденной, летящей грацией, кото-

рая обычно свойственна людям, не замечающим собственной материальности. Её густые темно-русые волосы были скручены в строгий, лишенный украшений узел на затылке, но несколько упрямых прядей уже выбились из плена шпилек и теперь влажно прилипали к вискам — в гимназии топили так жарко, словно пытались выжечь из стен саму сырость болот.

На Элеоноре было платье из плотного лилового сукна — практичное, закрытое под самое горло, с узкими рукавами. Единственное, что выдавало в ней не просто уездную учительницу, а человека с прошлым, — это фамильная камея из оникса, приколотая у ворота. Черты её лица были резки и неправильны: слишком прямой, почти мужской нос, высокие скулы и огромные, обведенные легкой синевой глаза цвета грозового неба. Когда она смотрела на класс, ученицам казалось, что их учительница видит не их, а что-то за их спинами, в клубах тумана за высокими окнами.

Классная комната пропахла мелом, карболкой и дешевым воском. Двадцать пар одинаковых, аккуратно заплетенных косичек синхронно повернулись в ее сторону. Элеонора положила на кафедру стопку тетрадей, но не села. Она подошла к окну.

За толстым, слегка волнистым стеклом клубился туман. Он пожирал чугунную ограду гимназии, превращая ее в чашеобразную массу зубов неведомого зверя. Где-то там, за пеленой, лежала старая часть города с его купеческими лабазами, и даль-

ше, за рекой, темнел хвойный лес, упирающийся в подножие далеких, едва угадываемых холмов. Там, на самом высоком из них, стоял замок Мортиньяков.

— Мадемуазель Вельская, а правда, что граф Владислав Мортиньяк до сих пор по ночам скачет по болотам на черном коне без головы? — пискнула с первой парты Лизанька Сомова, самая впечатлительная девочка в классе. — Мне кухарка говорила, он ищет голову, которую ему отрубили пугачевцы!

По классу прошелестел смешок. Девочки зашептались, толкая друг друга локтями.

Элеонора не обернулась от окна. Она смотрела на туман, и ее тонкие пальцы медленно сжимались и разжимались на подоконнике.

— Пугачевцы, Лиза, не доезжали до наших широт, — ровным, лишенным эмоций голосом ответила она. — А граф Владислав умер триста лет назад. История, в которой фигурирует лошадь без головы, относится к фольклору английских низин. У нас же свои легенды. И они куда страшнее выдуманных призрачных всадников.

Она вернулась к кафедре. Девочки мгновенно стихли, уловив перемену в ее настроении. Шутливый тон исчез, сменившись той звенящей, почти пугающей серьезностью, за которую гимназистки ее одновременно обожали и побаивались.

Элеонора открыла журнал, но читать список не стала.

— Сегодня, — начала она, обводя класс тяжелым взглядом, — мы закончим изучение од Ломоносова и перейдем к народной балладе. К той самой, которую ваши матери поют тихими вечерами, когда думают, что вы уже спите. Баллада о Проклятом Графе. О «Завещании старого Мортиньяка».

Она взяла в руки мел. Её движение было резким, почти нервным. На черной доске, рядом с аккуратной схемой «Теории трех штилей», появился неровный, рваный заголовок.

— Запишите тему, — скомандовала Элеонора. — И слушайте внимательно. Не потому, что я задам это наизусть. А потому, что эта баллада — единственный уцелевший ключ к пониманию того, почему наш город до сих пор не смыло болотной жижей.

Она отошла от доски и прислонилась плечом к стене, скрестив руки на груди.

— Род Мортиньяков, — её голос зазвучал ниже, приобретая бархатные, гипнотические нотки, — не всегда владел этими землями. До них здесь были пустоши, принадлежавшие государевой казне. Первый из них, Игнатий Мортиньяк, появился в наших краях в одна тысяча пятьсот восемьдесят пятом году. Он не был ни князем, ни боярином. Он был опричником Ивана Грозного. Человеком, который умел делать две вещи: молиться и убивать так, чтобы об этом не узнали палачи Посольского приказа.

Элеонора сделала паузу, давая словам впитаться в спертый воздух класса.

— Игнатий привез с собой сундуки. В них не было ни соболей, ни золота. Там были книги на латыни, астролябии и высохшие, мумифицированные части человеческих тел. Говорят, он бежал от гнева царя, который внезапно охладел к своим верным псам, но те, кто читал скрытые страницы летописей, знают: Игнатий бежал от того, что нашел в подвалах Кремля. Он нашел там вход. Вход во Тьму. И эта Тьма шла за ним по пятам.

Лизанька Сомова перестала дышать. Остальные девочки сидели, подавшись вперед, забыв про свои надушенные платочки и вышивание.

— Игнатий купил эти земли за бесценок. Земли, которые местные называли «Плачущими», потому что по ночам из торфяников поднимался ядовитый газ, и людям мерещились голоса. Он привез сюда каменщиков из Италии. Не для того, чтобы строить усадьбу. Для того, чтобы строить тюрьму. Замок Мортиньяков — это не крепость для защиты от врагов. Это саркофаг. Огромный, гранитный саркофаг, запечатанный над тем самым входом, который Игнатий нашел в Москве.

Мел в руке Элеоноры тихо хрустнул, осыпавшись белой крошкой на пол. Она этого не заметила.

— Игнатий замуровал вход, но Тьма уже пустила корни в его крови. Род Мортиньяков не старел. Мужчины этого рода умирали на поле брани или от шальной пули разбойников, не доживая и до тридцати. Но те, кто умирал в своей постели

в замке, выглядели так же, как в день своего восемнадцатилетия. Их хоронили в закрытых гробах. Священники отказывались отпевать их, шепча о сделке с дьяволом.

Элеонора оттолкнулась от стены и медленно пошла между рядами парт. Девочки инстинктивно вжимали головы в плечи, когда ее тень падала на их тетради.

— Самым известным из них был Владислав. Тот самый, о котором поет баллада. Он жил в конце семнадцатого века. Красавец с глазами цвета замерзшего озера и улыбкой, от которой умирали женщины. Он не просто пил вино на пирах. Он пил жизнь.

Она остановилась у окна, спиной к классу.

— В восемьсот двенадцатом году, когда Наполеон шел на Москву, Владислав Мортиньяк не ушел в ополчение. Он спустился в свои подвалы. И когда французские фуражиры, польстившись на слухи о золоте Мортиньяков, ворвались в замок, они нашли его в главном зале. Он сидел в кресле и пил вино. А у его ног лежали тела двенадцати мародеров. Они не были зарублены или застрелены. Они были высушены. Выжаты, как винные ягоды. Их кожа висела на костях пергаментом, а глаза были выкачены от ужаса и пустоты.

Элеонора резко повернулась. Ее лицо в полумраке класса казалось мертвенно-бледным.

— Французы бежали. А Владислав остался. И с тех пор он не старел. Совсем. Годы текли мимо него, как вода мимо камня. Империи рушились, на престолах менялись цари, а

граф Владислав все так же выходил на балкон своего замка по ночам, чтобы смотреть на луну.

Она вернулась к кафедре и взяла в руки потрепанный, в кожаном переплете сборник «Песен и сказаний уезда Н.». Книга пахла пылью, сухими травами и чем-то неуловимо металлическим.

— Баллада, которую мы разберем, была сложена его крепостными. Они боялись его до судорог, до потери разума, но любили. Потому что граф, в отличие от других помещиков, никогда не бил их на конюшне. Ему не нужно было их тело. Ему нужна была их радость. Их страх. Их жизненная сила. Он питался эмоциями, как другие питаются хлебом.

Элеонора открыла книгу. Ее длинные пальцы с побелевшими от напряжения костяшками пробежали по строчкам.

— Записывайте, — тихо сказала она. — Это самое начало. То, что предшествует известной вам версии.

Она начала читать. Но это не было сухим академическим чтением. Она словно пела, и ее голос, казалось, заполнил собой всю комнату, вытесняя запах карболки запахом болотного вереска и старого гранита.

*«С прекрасной дамой граф разгуливал по парку
Во мгле виднелись очертания замка...»*

Элеонора сделала вдох, переводя взгляд на Лизаньку Сомову. Девочка сидела с полуоткрытым ртом.

*«Где у ворот собака грустно завывала,
Девуца графа очень нежно обнимала...»*

— Обратите внимание на собаку, — прервала саму себя Элеонора. — Цербер. Черный мастиф, который жил в замке сто лет. Он не выл от тоски. Он выл, чуя, что Хозяин вышел на охоту. А «прекрасная дама»... В летописях ее имя не сохранилось. Известно лишь, что она была дочерью купца, приехавшего в город по торговым делам. Она исчезла на следующее утро после того бала, на котором граф впервые пригласил ее на танец.

Элеонора продолжила, и голос ее стал глубже, приобретая бархатную, опасную хрипотцу:

*«Какая ночь, мой милый граф,
Луна так ярко светит. И шепот листьев,
Шелест трав усиливает ветер...»*

— Это не просто пейзажная лирика, — прошептала она, глядя в одну точку поверх голов учениц. — Это описание физиологического процесса. Когда граф начинает «пить», природа вокруг замирает, а потом сходит с ума. Ветер — это его дыхание. Шепот листьев — это звук крови, бегущей по венам жертвы.

Она перевернула страницу. Класс замер. Казалось, если сейчас пролетит муха, ее жужжание оглушит всех.

*«Навеки вашей стать мечтаю я,
И в этот час пускай моя любовь коснется вас!»*

— «Навеки», — эхом повторила Элеонора. — Какое страшное, какое бездонное слово. В устах обычной девушки оно звучит как обещание. В устах той, что стоит перед Мор-

тиньяком, это мольба о прекращении. О забвении.

Её рука, держащая книгу, дрогнула. На мгновение, на долю секунды, лицо Элеоноры изменилось. Уголки ее губ дернулись вверх в подобии улыбки, но это была не человеческая улыбка. В ней было столько вековой, леденящей тоски и высокомерного голода, что Лизанька Сомова тихо, протяжно всхлипнула.

Элеонора моргнула. Наваждение схлынуло. Она просто стояла у кафедры, бледная учительница литературы, и смотрела на свои руки.

— Простите, — глухо сказала она. — Душно. Откройте форточку, кто-нибудь.

Пока девочки испуганно жались к окну, пытаясь справиться с тугой щеколдой, Элеонора взяла себя в руки. Она откашлялась и снова посмотрела на текст.

— Далее идет ответ графа. Записывайте. Это самая важная часть. Здесь раскрывается суть его дара.

*«В подвалах замка у меня сокровища хранятся,
К твоим ногам, любовь моя, сложу я все богатства...»*

— Сокровища, — горько усмехнулась Элеонора, — это не золото. Золото — это прах. Сокровища Мортиньяка — это украденные годы. В его подвалах, в хрустальных сосудах, хранится молодость.

Она продолжила, чеканя каждое слово, словно вбивая его в сознание учениц:

«Моей ты станешь госпожой, тебе я вечность подарю.

Поверь, все будет так, как говорю!»

— «Вечность», — повторила Элеонора. — Он не лжет. Он действительно может это сделать. Он может остановить для нее время. Запечатать ее в одном мгновении, в одной ночи, где луна всегда ярка, а ветер поет о любви. Но вечность — это не полет. Вечность — это гниение в янтаре.

Она дошла до припева. И здесь ее голос изменился окончательно. Он перестал принадлежать классной комнате 1887 года. Он зазвучал из каменных коридоров, где пахнет сыростью и железом.

«Утро станет сном, и будет вечно длиться ночь!»

Элеонора закрыла глаза. Она видела этот замок. Она чувствовала холод его камней под босыми ногами.

«Мы одни в огромном темном мире...»

Ее голос сорвался на выдохе. Она прижала ладонь к груди, прямо над левым карманом платья. Сердце билось так быстро и сильно, что, казалось, готово было проломить ребра.

— Кровь закипает в сердце, — прошептала она, не открывая глаз, продолжая балладу, но уже от себя, вплетая свои слова в древний ритм. — Это не метафора влюбленности. Это описание того, как чужая, холодная сущность входит в вены. Она выжигает человеческое тепло, чтобы освободить место для лунного света.

«Я смогу тебе помочь!»

— Ложь, — выдохнула Элеонора. — Он не может помочь даже себе.

«Небеса становятся все шире».

— Небеса не становятся шире. Они просто исчезают. Остается только свод склепа.

Она открыла глаза. На нее смотрели двадцать пар расширенных, полных ужаса и восторга зрачков. Лизанька Сомова сидела, вцепившись побелевшими пальцами в край парты, и по ее щекам текли слезы — не от страха, а от какой-то непонятной, пронзительной красоты, которую она только что ощутила.

— «Какой у вас глубокий взгляд, как он влечет и манит», — продолжила Элеонора, и теперь она смотрела прямо на Лизаньку. — Это гипноз. Зов хищника. Жертва сама идет в пасть, потому что пасть обещает ей неземное блаженство.

«Я не могу себя понять: меня к вам сильно тянет...»

— Это не любовь, девочки, — голос Элеоноры стал почти нормальным, учительским, но в нем звенел стылый металл. — Это истощение. Когда ваша собственная душа становится слишком тяжелой, вы ищете того, кто согласится забрать ее тяжесть. Даже если взамен он заберет и вас самих.

«Вы так таинственны, заморозили вы меня...»

— Тайна Мортиньяков проста и ужасна, — Элеонора подошла к первой парте и положила сухую, горячую ладонь на плечо Лизаньки. Девочка вздрогнула, но не отстранилась. — Они не прокляты. Они просто... другие. Ошибка природы. Или, быть может, венец творения. Смотря с какой стороны баррикад вы стоите.

«И в вашей власти плоть и кровь моя!»

Элеонора убрала руку.

— На этом месте в народных песнях обычно ставят точку, — сказала она, бережно закрывая кожаный переплет. — Потому что дальше идет то, что не предназначено для ушей детей. Дальше идет цена.

Она обвела класс взглядом. Туман за окном, казалось, сгустился еще сильнее, превратив стекло в глухую, серую стену.

— Запишите домашнее задание, — голос Элеоноры снова стал ровным и усталым, как в начале урока. — Выучить текст баллады до слов «в вашей власти плоть и кровь». И написать сочинение. На тему: «Оправдано ли вечное существование ценой потери души?». Используйте в качестве аргументов не только балладу, но и «Фауста» Гете.

Девочки, выходя из оцепенения, закрипели перьями.

Элеонора села за свой стол и обхватила голову руками. В ушах все еще звучал ритм баллады. «Утро станет сном...» Она чувствовала, как по спине бежит ледяной пот.

Урок закончился. Девочки, толкаясь и испуганно оглядываясь на учительницу, гурьбой вывалились в коридор. Элеонора слышала их затихающий смех и стук тяжелых гимназических ботинок по паркету.

Она осталась одна.

В классе пахло мелом и ее страхом.

Элеонора встала и подошла к своему столу. Из старой ко-

жаной сумки, лежавшей там, она достала конверт. Плотная, пожелтевшая бумага. Сургучная печать с оттиском, который она знала с детства — оскаленная голова ворона. Герб Мортиньяков.

Письмо пришло сегодня утром, с той же почтой, что и ведомости на жалованье. Оно не имело обратного адреса. Только ее имя, выведенное каллиграфическим, летящим почерком, от которого по позвоночнику прошла знакомая су-дорога.

Руки дрожали так сильно, что она едва не порвала бумагу, вскрывая конверт костяным ножом для разрезания страниц.

Внутри был один лист. Ни приветствия, ни подписи. Только три фразы, написанные тем же почерком:

«Время пришло, Элеонора.

Пыль на нашем гербе стала слишком густой.

Приезжай в замок. Луна нынче ярка, как никогда».

Элеонора перечитала это трижды. Затем медленно, методично она разорвала письмо на мелкие клочки. Она подошла к печи-голландке, открыла чугунную дверцу, где тлели красные угли, и бросила бумагу в огонь.

Она смотрела, как пламя пожирает слова.

«Пыль на гербе».

Она знала, что это значит. Знала с того самого дня, как ей исполнилось двадцать два — возраст, в котором умерла ее мать, так и не постарев. Знала, потому что по ночам, когда город Н. засыпал под своим серым одеялом, она слышала,

как за сотни верст от гимназии, на вершине холма, с тоскливым звоном бьется о гранитные стены что-то огромное, запертое в клетке.

Вход, который запечатал Игнатий Мортиньяк, давал трещину.

И граф Владислав, вечный пленник собственного бессмертия, звал ее. Звал ту, в чьих жилах текла та же проклятая кровь. Звал, чтобы она пришла и сделала выбор.

Стать «госпожой».

Или стать окончательной смертью для того, кто не может умереть.

Элеонора закрыла дверцу печи. Угли за толстым чугуном вспыхнули чуть ярче, на мгновение осветив ее лицо. В этом красном отблеске ее глаза цвета грозового неба казались двумя осколками черного льда.

Она взяла со стола классный журнал, поправила камеею у горла и, расправив плечи, вышла из кабинета.

Впереди был долгий день, полный фонетики, синтаксиса и запаха карболки. А потом будет ночь. И дорога, ведущая сквозь туман, к замку, где у ворот собака грустно завывает, предвкушая возвращение Хозяина.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.